

ДИАЛОГ О НЕКОТОРЫХ СУЩНОСТНЫХ АСПЕКТАХ КОНСТРУКТИВИЗМА¹

Жига Кнап
Урбан Кордеш

Университет в Любляне, Словения

The paper consists of a dialogue between a representative of constructivistic epistemology (or so called «participatory position») and a «devil's advocate» who tries to examine and test different aspects of this position. Through dialogue, some of the characteristics of participatory position are presented, and some of its problems are addressed.

Урбан Кордеш (У.К.): Основная идея конструктивизма как философского направления заключается в отказе от онтологии и в пристальном внимании к эпистемологии.

Жига Кнап (Ж.К.): Можно ли отказ от онтологии интерпретировать не как отказ от онтологического начала, а только как факт, что конструктивизм допускает множество онтологических подходов? Из истории философии известно, что монистический взгляд на мир из досократиков был только у Парменида, а многие другие философы полагали первоосновой мира несколько элементов. Позже Платон вводит новую абстрактную основу бытия, то, что он называет «второе плавание», эксплицитно отказываясь от «*физиса*» досократиков. Идеи Платона сегодня предстают перед нами как абстрактные сущности. Интересно, что в современной физике элементарные частицы ближе каким-то математическим объектам, абстрактным сущностям, чем конкретным материальным предметам, которые можно потрогать и увидеть.

У.К.: Компрессируй, пожалуйста, свой вопрос.

Ж.К.: В истории философии каждый философ по-своему отвечал на вопрос, что такое «бытие», а значит, давал собственный ответ на онтологический вопрос. Если конструктивизм считать одним из направлений философии в традиционном смысле, то он тоже должен отвечать на вопрос, что такое «бытие. Можно еще спросить по-другому: как конструктивисты представляют себе бытие?

У.К.: Существует несколько направлений в конструктивизме. В большинстве случаев они связаны с психологией (Выготский) или

¹ Первая часть «Диалогов» опубликована в: Филологические заметки: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т.И. Ерофеева, Я. Вречко. Пермь: Перм. ун-т; Любляна: Ун-т в Любляне, 2005. Вып. 3. Ч. 2. С. 242-253.

социологией (Лукманн). Можно сказать, что идеи конструктивизма в философии присутствуют в меньшей степени, чем в указанных дисциплинах. Ближе всего к философии так называемый радикальный конструктивизм, иногда его еще называют «кибернетика второго порядка», о нем и пойдет речь. Его представители: Вацлавик, Глазерфельд, Х. фон Форстер. То, о чем я буду говорить, прежде всего, относится к этим авторам. Их конструктивизм очень близок к феноменологическому подходу. Я где-то написал, что мы ощущаем себя достаточно близко к феноменологам, но сами феноменологи этой близости не чувствуют. Я это считаю парадоксом, который не могу объяснить. Один из упреков в адрес конструктивизма состоит в том, что его не считают чистой философской дисциплиной, явлением интеллектуальной системы. Основа этой системы кажется механической, и, может быть, именно поэтому традиционные философы не принимают конструктивизм.

Ж.К.: В научных дисциплинах обычно не возникает вопросов об онтологии, и основа изучения в определенной области науки не поднимается как вопрос. Это знание дано интуитивно, например, в химии основные элементы – просто молекулы; физика начала XX в. знала в атомной модели Бора всего несколько частиц: протон, электрон и нейтрон. С точки зрения современного физика это, несомненно, упрощенный, даже наивный взгляд на строение материального мира.

У.К.: Да. Конструктивизм похож на феноменологию, и это сказывается на невозможности уйти от нашего опыта, наших ощущений. Горизонт нашего опыта – вот то, о чем мы можем что-либо сказать. Если использовать терминологию Хайдеггера, все остальное относится к метафизике. То, что ты называешь онтологией, принадлежит сфере метафизики.

Ж.К.: Да, конечно.

У.К.: Я не скажу, что метафизики не существует, но у этих вещей другой статус, который существенно отличается от статуса того, что мы узнаем через опыт. Некоторые полагают, что мы используем абстрактные метафизические модели для упорядочения, или классификации, или пояснения, или анализа нашего опытного мира. У абстрактных конструкций жизненно важная функция, но они отличаются от опытного мира и принадлежат другому уровню истины или прагматики. Одна из причин, почему конструктивизм не считается традиционным философским направлением, – это отсутствие связи с динамическим процессом, процессом создания опытного мира. Конструктивизм отказывается отвечать на вопрос, что стоит за

опытным миром, но спрашивает, как, каким образом организован сам опытный мир в нашем сознании. И мы не ошибемся, если скажем, что конструктивизм отказывается от онтологии. Ответ конструктивизма на онтологический вопрос таков: нас интересует, как происходит конструирование опытного мира, само исследование опытного мира, но при этих обстоятельствах любой вопрос об онтологии в каком-то смысле противоречит основному конструктивистскому началу, которое остается строго внутри опытного мира. Можно сказать, что конструктивизму чужда позиция досократиков, которые старались понять основу бытия, ему ближе позиция Платона, который нашел бытие в идеях. Хотя иногда я говорю, что я отказываюсь от онтологии в пользу эпистемологии. Меняю онтологию на эпистемологию.

Ж.К.: Возьмем, к примеру, структурализм. Он тоже отказался от метафизики, в кавычках или без кавычек. Значит, что он в каком-то смысле отказался от онтологии. Тем не менее в структурализме была общая идея. Структуралисты были убеждены, что в основе всего имеется некая структура, которую и старались вскрыть.

У.К.: Да.

Ж.К.: Поскольку структуралисты в основе всего видели некую структуру, несмотря на то что они отказывались от любого определения бытия, можно сказать, что именно понятие «структура» было онтологической основой структурализма. Конечно, это очень абстрактно. Вопрос в следующем, видишь ли ты в отношении структуралистов к онтологии какую-либо аналогию с конструктивизмом?

У.К.: Возможно, вопрос заключается в том, с какой точки зрения рассматривать целостность системы мышления. Если представить, что система построена линейно, а это означает существование некоторых оснований, на которых строится система, от этого зависят результаты твоей системы. Например, у Платона основа – мир идей, из которых возникает любая конструкция в области науки, этики, политики. Система мышления структурирована, и в этом случае твой вопрос верен. Я всегда спрашиваю себя, что является фундаментом, и чем более я осознаю мыслительную основу, тем больше у меня шансов понять, что система не будет входить в противоречие с логикой. Если мы рассматриваем вещь не как линейную, а как циклическую структуру, где происходит переход из линейной в циклическую каузальность, тогда тварный мир предстает перед нами по-другому. У опытного мира нет никакой основы. Варела образно говорит об этом так: «Мы тянем самих себя вверх за шнурки». Мы не сидим на прочном стуле, наблюдая мир, а все время находимся в динамике, и поэтому нам не

нужно никакого основания, или можно сказать, что именно эта динамика, эта цикличность и есть основание. Если мы что-нибудь зафиксируем как основание, то тем самым откажемся от динамики, от возможности прогресса, и я думаю, что настоящий конструктивист только тот, кто согласен с тем, что его суждения преходящи. Преходящими могут быть и динамика, и цикличность, но в таком случае возьмем для основания что-нибудь другое. Мне кажется, что это одна из основных черт конструктивизма.

Ж.К.: Поппер вводит понятие фальсификации и считает, что в эмпирических науках любое настоящее научное высказывание в принципе можно опровергнуть. Это его новшество в понимании научной теории для эмпирических наук. Как к этому высказыванию относится конструктивизм?

У.К.: Утверждение Поппера относится к эмпирической науке, но не к философии.

Ж.К.: Учение Поппера можно определить как философию науки.

У.К.: Но Поппер, конечно, не считал, что философия способна что-нибудь фальсифицировать.

Ж.К.: Свою общую теорию он потом назвал философией науки. Для самой науки понятие истины не очень-то интересно. В эмпирических науках более важно то, как экспериментальные данные соотносятся с теорией. Обычно считается, что экспериментальные данные подтверждают теорию, и тогда мы имеем дело с верификацией, но не с фальсификацией. Конечно, это не противоречит общей теории Поппера, у которого понятие фальсификации относится к длительным срокам существования теории в эмпирических науках. Поппер добавил к вековой традиции только высказывание, что любое утверждение, исходящее из эмпирической науки, может быть опровергнуто.

У.К.: Я согласен с этим. Науки все время действуют по принципу, предложенному Поппером. Верно и то, о чем ты говорил раньше: эмпирические науки не нуждаются в онтологии. Дело в том, что науки не задают себе вопросов об онтологии, и поэтому не имеют с ней проблем, но чем больше они продвигаются по направлению к метафизике, тем больше у них появляется проблем. И если мы обратимся к физике, то увидим, что пока имеется возможность четко измерять, нет никаких принципиальных сложностей. Проблема сводится к тому, насколько точно мы можем измерить, какие ошибки при измерении позволительно допустить. Даже в пограничных случаях, где существует параллельно несколько теорий, очень быстро становится ясно, какая теория является верной, может быть, на протяжении нескольких лет и десятилетий. Например, когда в

квантовой механике возникает вопрос о значении, появляется множество проблем, подчас эти проблемы для физика неинтересны, поскольку не имеют никакой связи с предметом ее. То же самое происходит в конструктивизме. Конструктивизм не спрашивает об онтологии. В физике и в других естественных науках не говорят об онтологии, потому что это их не интересует. Физик укрывается за фразой: это не моя область, где-то там есть философы, которые занимаются этой проблемой. Большинство физиков имеет представление о том, что лежит вне области их интересов, но это не оказывает никакого влияния на то, что они делают. Вся методология естественных наук такова, что не возникает потребности в вопросе об основах или метафизике. Напротив, конструктивизм в первую очередь философская дисциплина. Он отказывается от онтологии не потому, что оставляет эти проблемы кому-то другому, а потому что ему кажется, что для достижения нет никакой нужды в онтологии, в дискуссиях о бытии. Обратим внимание на известную трилемму, указывающую на то, что мы всегда приходим к противоречию, когда пытаемся подвести фундамент под основу. Конструктивизм не занимается этими проблемами, но тем не менее у него в запасе есть несколько утверждений о мире опыта, в которых, как он считает, нельзя сомневаться, и пытается навести порядок в пространстве опыта: вводит некоторые теории, но все они в рамках тех утверждений, в которых он не сомневается. Внутри этой области утверждения могут изменяться в такой же степени, как может изменяться опытный мир. Другое отличие отчасти связано с теорией опыта, и оно должно быть верно для эмпирических наук: в естественных науках существует прогресс, который постепенно движется к «истине». Здесь предстает тип линейной модели, в которой мы от начального незнания движемся к конечному знанию. Это, конечно, требует доказательства. Здесь можно сказать следующее: естествоиспытатели отказались от проблемы истины, но тем не менее принимают за основу изучения модель существования окончательной метафизической истины в явном или неявном виде. Конструктивисты тоже считают, что о конечной истине ничего не знают. Даже если кто-то из конструктивистов хочет достичь «окончательной истины», то это только локальный мотив, который уже на следующем шаге должен быть преодолен.

Ж.К.: Я хочу сделать небольшое замечание. Например, математики не задают себе вопроса, что такое число, а просто с ним работают. Или, например, Марко Уршич² в своей статье о времени

² См. Уршич М. «Три времени в философии и литературе» в настоящем сборнике.

ставит вопрос, что такое время, а физики не задаются вопросом, что есть время. Они его только измеряют, анализируют, прогнозируют возможности его обратного течения. В физике существует еще такое понятие, как сила. Я помню, что на лекциях по физике профессор Иван Кушер, вводя понятие силы, говорил: «Я вам не скажу, что такое сила, но покажу, как ее измеряют». И показал инструменты, при помощи которых измеряют силу. У математиков в книге «Теория чисел» не ставится вопрос, что такое число, однако этот вопрос возникает в исследованиях, где говорится об основаниях математики или философии математики. Кажется, что этот вопрос многим математикам не интересен, я думаю, что сходная ситуация возникает и относительно понятия времени в физике. Предположительно, все эти понятия, лежащие в основе некоторых научных дисциплин, хотя бы в аксиоматических теориях, сформулированы так: мы имеем дело с основными неопределенными понятиями, которые пользователи понимают на интуитивном уровне. Например, Евклид в своих «Началах» пытается объяснить, что такое точка, прямая, плоскость, но не дает определения в строгом смысле, это просто описания, очень близкие к описаниям этих понятий учительницей в начальной школе.

У.К.: А в чем здесь вопрос?

Ж.К.: Вопрос в следующем: можно ли эту ситуацию рассматривать в контексте твоего понимания конструктивизма? Ты сам сказал, что конструктивизм не задает себе вопроса об онтологическом основании.

У.К.: Конструктивизм можно определить как эпистемологическую теорию. Основная задача конструктивизма – обратить внимание на эпистемологическом уровне на круговую, циклическую модель исследования, на циркулярность этапов исследования. По-видимому, все более или менее с этим считаются, но не принимают этого всерьез, так как именно о том, что лежит вне нашего опытного мира, мы не можем многого сказать.

Ж.К.: Эта циклическая модель мне кажется интересной. Если ее применить к понятию истины, то окажется, что мы имеем дело с постепенным приближением к конечной «истине». Если изобразить это наглядно, то я представляю себе прямую, вокруг которой колеблется наше познание и все больше и больше приближается к прямой. Но, насколько я тебя понимаю, циклическая модель познания совершенно другого типа, ее нельзя сводить к линейности.

У.К.: В циклической модели взаимная зависимость более широкая, чем в линейной модели. Можно сказать, что идея «истины» принадлежит только одной половине круга. Отрезок круга, на который

мы смотрим вблизи, кажется нам прямым. На этом отрезке мы можем говорить об истине. Конструктивизм не вступает в противоречие с реализмом. Конструктивизм – тоже реализм, и вся наука по отношению к познанию, по-видимому, ведет себя линейно. Там, где появляются проблемы, – это границы науки, такой, как мы ее сейчас представляем. Этот закон первыми открыли физики, которые заметили, что в некоторых экспериментах квантовой механики экспериментатор включен в сам эксперимент и влияет на исход эксперимента. В связи с этим предположение о линейности уже было неверным. И необходимо все рассматривать во взаимосвязи – круг в этом случае является символом взаимосвязи. Аналогично обстоит дело с истиной: пока мы имеем дело с линейной ситуацией, истина – очень полезный концепт, и пока ты работаешь с истиной, ты должен быть реалистом, поскольку истина имеет смысл только в рамках реализма. И было бы бессмысленно в локальном мире задавать вопрос о том, что я конструирую, или верно ли то, что я конструирую; или что есть истина – исконный вопрос философии. Эти вопросы не приносят никакой ощутимой пользы. В локальном мире они ничего не означают, но мы доходим до таких границ, где эти вопросы становятся интересными, где без них невозможно движение вперед. Я считаю, что конструктивизм возник именно из-за таких вопросов. Они означают, что человечество приблизилось к определенным границам познания, к примеру, физика подошла к ним сто лет назад. В нашей циклической модели в пограничных ситуациях проявляется всеобщая взаимосвязь: связь того, кто наблюдает, с тем объектом, который наблюдается. Я считаю, что конструктивизм пытается расширить горизонты восприятия.

Ж.К.: А каково отношение конструктивизма к языку? В естественных науках язык обычно не представляет собой особой проблемы. Только в философии XX в. проблема языка становится актуальной. Некоторые философские направления (например, Хайдеггер и поздний Витгенштейн) понятие бытия тесно связывают с языком. Тогда как у древнегреческих философов язык, кажется, еще не представлял собой проблемы. Этот вывод мы можем сделать на основании отсутствия интерпретации мыслей других философов в диалогах Платона. А сегодня часто попадаются упреки авторов в адрес интерпретатора по поводу некорректной интерпретации. Некорректную интерпретацию я связываю с недостаточно ясным языком.

У.К.: Я думаю, что это целый комплекс вопросов. Мне кажется интересным, что греки не спорили о языке, но я плохо знаком с этой проблемой.

Ж.К.: Я допускаю, что дискуссии были, но, очевидно, они не дошли до нас.

У.К.: Большой интерес философов XX в. к проблеме языка вызван пониманием, что часть того, что мы считаем реальным, – только конструкция нашего сознания. И язык как раз является той областью, где конструируется реальность.

Аналитическая философия основывается на идее, что все, что нужно сделать, – это очистить язык, сделать его более четким, с чего Витгенштейн и начал, но не решил проблемы. В основе его теории была наивная мысль, что если мы очистим язык, то разрешим и все метафизические проблемы. Эту идею поддерживали Карнап, Поппер и другие философы-аналитики. Им представлялось, что все можно свести к числам, и тогда не будет никаких сомнений в том, что мы хотим сказать. Это, конечно, красиво и, по-видимому, даже верно в линейной части нашей модели, но проблема состоит в том, что существенная часть языка – не отражение объективной реальности в нашем сознании, а коммуникация. Понятие коммуникация происходит от лат. слова «communicare», связанного с термином «communita», что означает совместный. А коммуницировать – это значит создавать социум. Главная задача коммуникации – не отражение объективной реальности в нашем сознании, а создание совместного общего мира. Я мог бы привести много имен исследователей, которые не связаны с конструктивизмом, но считают сказанное верным. Но когда два философа вступают в дискуссию, они забывают про этот аспект, поскольку полагают, что только на основании одних собственных идей можно прийти к окончательному решению проблемы. Например, Рорти пишет, что когда мы начинаем дискуссию, то должны прежде всего уточнить, в какой области находимся: эпистемологической или герменевтической. Он считает, что у нас появляются эпистемологические проблемы только тогда, когда мы строим нашу дискуссию на соответствующих основаниях. Это значит, что основные концепты согласованы. Если мы не убеждены в этом, то должны проверить эпистемологические основы герменевтическими методами. Мне кажется, это интересным. В конструктивизме теория коммуникации занимает важное место. Одним из авторов, стоявшим у ее истоков, был Вацловик. Конструктивизм рассматривает язык как средство конструирования и утверждения истинности.

Ж.К.: Реальности.

У.К.: Я не уверен, что лучше сказать: реальность или истинность. Здесь важно понятие intersубъективности, создание и реконструкция intersубъективности. Это задача языка, одна из основных его задач.

Ж.К.: Я где-то читал, что Конфуций на вопрос о самом существенном деле для процветания государства ответил: «Навести порядок в языке».

У.К.: Мне кажется, это высказывание имеет очень глубокий смысл. Навести порядок в языке – это мудрый способ единения народа. Это функция государства. Общий язык часто был стимулом создания государства, и сегодня английский язык становится своего рода стимулом объединения некоторых цивилизационных ценностей.

Ж.К.: Но, может быть, в этом смысле китайский язык еще более интересен? Там единение ценностей происходит на символическом, а не на фонетическом уровне. Нечто подобное было в Древнем Египте.

У.К.: Я думаю, что язык необходимо рассматривать с герменевтической точки зрения, как у Рорти. Когда конструктивист пишет статью, он хорошо осознает, что его могут «неправильно» понять. Максимально, на что может надеяться конструктивист, – это на возможность «поторговаться» с оппонентами и вследствие этого прийти к приемлемому решению. Это, конечно, неокончательное решение, это решение на определенный период. Если предположить, что одна из задач коммуникации – создание общей истинности, то коммуникация – тот критерий, по которому можно проверить истинность наших утверждений. Таким образом мы даем знать другим, что это высказывание верно. Это дает возможность ответа на вопрос, что является основной идеей конструктивизма: конструктивизм желает иметь более широкую платформу, чем обычная философия. Конструктивизм не довольствуется лишь созданием собственной системы и защитой ее от критики. Он нас направляет в другую деятельность. Наша модель – круг, но пока мы находимся на ограниченном участке этого круга, мы можем считать, что модель линейна, и язык в этой части имеет функцию указания на некоторые объективные факты. Такой язык может быть трансформирован в математические символы и использован в линейной части эпистемологического круга. Вне линейного участка круга язык уже больше не действителен, и не имеет смысла здесь спрашивать об истине. Все, что относится к связности вне линейного участка, использует язык дискуссии и динамики: постоянная проверка и постоянное уточнение в разговоре с другим, что верно и что неверно. Можно сказать, что в нашем сознании при этом происходит конструирование действительности. Конструирование может

происходить только циклично. Результатом этого в конструктивизме является исследование с позиции «я». Основное предположение исследователя заключается в том, что он изменяет то, что исследует, и что исследование изменяет своего исследователя. Исследование больше не intersubjectively, другой исследователь не сможет проверить твоих результатов. Принцип исследования с позиции «я» предполагает отказ от повторяемости экспериментов, а это является основным принципом естественных наук.

Ж.К.: Может быть, нечто подобное происходит с писателем при создании литературного произведения?

У.К.: Это не так, литература не претендует на статус научного исследования. Исследование с позиции «я» – системное, доскональное исследование опытного мира. От классического научного оно отличается только тем, что метод может быть только исходным пунктом, но не может войти в само исследование. Метод не может определить путь исследования.

Ж.К.: А журналистское расследование?

У.К.: Журналистское расследование пытается подражать научному исследованию, в то время как конструктивизм от этого отказывается. Главный упрек конструктивистов как журналистскому расследованию, так и научному исследованию состоит в том, что и то, и другое деформируют сам предмет исследования. Главная черта радикального конструктивизма заключается в том, что он полностью отказывается от иллюзии объективности. Заметим, что остальные я-исследования учитывают относительность и невозможность объективного представления мира, но их цель – объективное описание мира. Радикальный конструктивизм от этого отказывается не как от возможности, а как от надежды. Думаю, что мы пришли к заключению и можем наш разговор на этом закончить.

Библиографический список

- Foerster H. von Ethics and second order cybernetics / H. v. Foerster // Stanford Humanities Review. Stanford, 1995. let. 4. št. 2.*
- Rorty R. Objectivity relativism and truth / R. Rorty // Philosophical papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.*
- Rorty R. The linguistic turn / R. Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.*
- Rorty R. Resnica brez ujemanja s stvarnostjo / R. Rorty // Izbrani spisi. Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2002.*
- Watzlawick P. The Invented Reality / P. Watzlawick. W.W.Norton & Company Inc. New York, 1984. P. 66.*